

© ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2021
 УДК: 613.885 (616.8-07:617.7-072.1)
 DOI: <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10508>

Для корреспонденции
Корчагин Виталий Викторович – аспирант ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
 Адрес: 119034, г. Москва, Кропоткинский пер., д. 23
 Телефон: +7 (495) 637-23-97
 E-mail: cor4agin.vitalik@yandex.ru

В.В. Корчагин, М.Ю. Каменсков

Психосоциальные характеристики лиц с виртуальным аномальным сексуальным поведением и механизмы реализации таких поведенческих паттернов

Научный обзор

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия

В научном обзоре с целью формирования представлений о лицах, совершающих преступления сексуального характера посредством информационно-телекоммуникационных технологий, были изучены электронные ресурсы научной электронной библиотеки eLibrary.ru и базы данных MEDLINE Национальной медицинской библиотеки США. Представлены результаты наиболее значимых исследований, раскрывающие особенности данной когорты лиц в социальной, личностной, психической и психосексуальной сферах, а также механизмов виртуального девиантного поведения и осознанно-волевой регуляции. Рассматривается роль сети Интернет как особой среды, способствующей реализации аномальных сексуальных побуждений.

Ключевые слова: интернет; сексуальные расстройства; виртуальные преступления; парафилии; аномальное сексуальное поведение

Для цитирования: Корчагин В.В., Каменсков М.Ю. Психосоциальные характеристики лиц с виртуальным аномальным сексуальным поведением и механизмы реализации таких поведенческих паттернов // Российский психиатрический журнал. 2021. № 5. С. 73–82. DOI: <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10508>

VV Korchagin, MYu Kamenskov

Psychosocial characteristics of persons with virtual abnormal sexual behavior and mechanisms for the implementation of such behavioral patterns

Review

V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

In this scientific review, in order to form ideas about persons who commit sexual crimes through information and telecommunications technologies, the electronic resources of the scientific electronic library were studied eLibrary.ru and the MEDLINE database of the US National Library of Medicine. The results of the most significant studies revealing the features of this cohort of individuals in the social, personal, mental and psychosexual spheres, as well as the mechanisms of virtual deviant behavior and conscious-volitional regulation are presented. The role of the Internet as a special environment that promotes the realization of abnormal sexual urges is considered.

Key words: Internet; sexual disorders; virtual crimes; paraphilia; abnormal sexual behavior

For citation: Korchagin VV, Kamenskov MYu. [Psychosocial characteristics of persons with virtual abnormal sexual behavior and mechanisms for the implementation of such behavioral patterns] Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]. 2021;(5):73–82. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10508>

Возникновение и широкое распространение информационно-телекоммуникационных технологий, среди которых ключевую роль занимает интернет, – особенность современного мира. Статистика свидетельствует о том, что 45% населения земного шара являются пользователями социальных сетей, а в Российской Федерации – 40% [1].

Интернет предоставил человеку новые возможности, которых у него не было ранее: благодаря техническим ресурсам любой может наблюдать за событиями, происходящими далеко от его местонахождения, комментировать действия, высказывать свою позицию по различным темам [2].

Количество пользователей интернета растёт, и наиболее активной группой населения являются представители подростково-молодёжной среды. Вместе с этим из года в год снижается возраст, в котором пользователи начинают самостоятельно использовать интернет, а также выбирать интересующий их контент [3, 4].

Увеличение социальных сетей отразилось на межличностном общении, так как оно в большей степени перенеслось из реального мира в киберпространство, тоже претерпев при этом изменения: оно стало доступнее и проще, чем в реальности, поскольку не требует тех же усилий и его можно прервать в любой момент [4–7]. Отчасти это обусловило особенности поведения человека в виртуальной среде, которое отличается от поведения того же индивидуума в реальном мире, что психологами объясняется через призму различных теорий и конструктов [8–11]. Современные авторы предлагают модели, раскрывающие механизмы самопрезентации пользователя в виртуальной среде [2, 10, 11]. Наиболее широкую поддержку получила гипотеза о том, что индивид выражает свое истинное «Я» онлайн в более неприкрытой форме, чем в реальном мире [2], даже в контексте профессионального общения. В некоторой степени это связано с эффектом растормаживания, обуславливающим такие явления, как кибербуллинг, троллинг, флейминг [12, 13].

Полагается, что в основе растормаживания лежат деиндивидуализация и изменения самосознания [9]. В теории деиндивидуализации [14] отмечается, что пребывание человека в анонимном виртуальном сообществе ведёт к снижению самосознания, саморегуляции и самооценке и, как следствие, к уменьшению регулирующего влияния социальных норм на поведение, что в итоге оборачивается антинормативным поведением, проявляющимся в самом широком спектре асоциальных действий, в том числе криминальных, связанных с сексуальными притязаниями [8].

Асоциальное поведение в интернете может объясняться и влиянием других факторов, в перечне которых находятся невидимость, солипсистская интроекция, диссоциативное воображение, минимизация статуса и власти [15].

Кратко остановимся на некоторых перечисленных факторах, совокупность которых способствует возникновению эффекта расторможенности. Так, под диссоциативным воображением подразумевается разграничение двух миров: реального, с его правилами и нормами, и виртуального, своего рода игрового, правила и нормы которого не имеют ничего общего с повседневной жизнью. Выключив компьютер, пользователь интернета оставляет позади всё то, что касается онлайн-активности, будто бы эти миры не имеют никакой связи друг с другом.

Под солипсической интроекцией понимается процесс, в котором реципиент коммуникативного акта наделяет своего собеседника характеристиками, приписывая ему конкретную внешность, голос и прочее, что определяется потребностями самого коммуникатора [15]. Интернет-общение, таким образом, в большей степени приближается к воображаемому действию, а не к реальности.

Помимо этого, одним из предикторов асоциального поведения является минимизация власти и статуса, заключающаяся в том, что в реальном мире у человека есть возможности для определения статуса собеседника, в мире же виртуальном критерии власти и статуса оказываются невидимыми.

Благодаря этим факторам девиантное поведение в виртуальной среде воспринимается как ненаказуемое, имеющее эфемерные последствия в далёком будущем, что обуславливает нарушение прогноза своих действий, недооценку их опасности для себя и для других пользователей.

В связи с этим **цель** настоящего обзора – формирование представлений о лицах, совершающих преступления сексуального характера посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

Распространённость и общая характеристика виртуальных сексуальных правонарушений

Виртуальная среда становится площадкой для разнобразного криминального поведения, в том числе сексуального: опрос несовершеннолетних американцев в возрасте от 12 до 17 лет выявил, что примерно каждый 12-й из них был подвергнут сексуальному посягательству в течение года в ходе общения в киберпространстве. Это могла быть попытка склонить подростка к физическому контакту либо обнажению перед веб-камерой или вербальное сексуальное домогательство [16].

По последним данным, 19% подростков, регулярно пользующихся интернетом, являются объектами нежелательного сексуального домогательства [17]. При этом отмечается рост зарегистрированных сексуальных посягательств в отношении детей [18]: в 2016 г. за распространение, приобретение, владение и производство материалов, касающихся сексуального надругательства над несовершеннолетними, в США были осуждены 2203 преступника, тогда как в 2002 г. их было всего 508 [19]. По дан-

ным Министерства юстиции США, резко возросло число федеральных обвинительных приговоров за изготовление детской порнографии (цит. по [20]).

В целом сексуальные преступления с участием детей относятся к самым быстрорастущим видам преступлений в федеральном уголовном делопроизводстве со средним ежегодным увеличением на 15%, причём на долю преступлений с детской порнографией приходится 82% роста таких преступлений [21].

Сексуальные виртуальные правонарушения происходят не только в социальных сетях, но и посредством одноранговых файлообменных сетей и разного рода сайтов: в 2017 г. Фонд по наблюдению за Интернетом зарегистрировал более 3000 доменов, содержащих изображения или видеоматериалы детей, подвергшихся сексуальной эксплуатации [22].

Само противоправное сексуальное поведение в онлайн-среде достаточно многообразно, а механизмы совершения подобных деяний различны. В исследовании R.V. Krueger и соавт. [23] отмечено, что формы половой активности виртуальных сексуальных преступников в интернете весьма вариативны: участники могли использовать порнографию (94%), принуждение к офлайн-сексу (49%), онлайн-ассоциированный групповой секс (47%) и сексуальное домогательство (17%). Поведение таких правонарушителей в чате ярко сексуально окрашено, 70% разговоров сопровождается отправкой фотографий обнажённых людей, 35% – вовлечением в киберсекс, мастурбацию, обнажение на веб-камеру и другие варианты сексуального поведения. Попытки встретиться с жертвой составляют 60% случаев. Но контактное сексуальное преступление как результат онлайн-общения зафиксировано только в 8% случаев. Продолжительность общения с жертвами в виртуальных сетях зачастую пролонгирована и варьирует от 1 до 180 дней (в среднем – 19,71 дня). Однако фактическая частота случаев эксплуатации детей онлайн в значительной степени неизвестна [24].

Виртуальные сексуальные правонарушения происходят по конкретному сценарию, значительную роль в котором играет груминг. Термин «обхаживание» обычно используется для описания действий правонарушителей на подготовительных стадиях сексуальных посягательств, определяемых как «ситуация, при которой потенциальный правонарушитель создаёт возможности для посягательства путём завоевания доверия ребёнка с целью его подготовки к посягательству» [25].

A. Gillespie и соавт. [26] утверждают, что невозможно точно определить, когда начинается или заканчивается груминг, поскольку это может быть длительный процесс, включающий множество разных стадий и действий. Они, как и общая динамика взаимодействия, могут иметь тонкий характер, поэтому сексуальный мотив проявляется не сразу, а лишь на более поздних стадиях. В связи с этим данный процесс

лучше всего рассматривать как повторяющуюся тему, связанную с определённым набором стратегий и моделей поведения, которые преступник может использовать и практиковать на различных стадиях взаимодействия. Они могут возникать и проявляться на подготовительных стадиях, предшествующих сексуальной эксплуатации, а также на этапах, следующих за эксплуатацией, с целью восстановления отношений, особенно в тех случаях, когда у жертвы проявляются признаки стресса. Это служит цели подготовки ребёнка и достижения его согласия на будущую эксплуатацию.

Таким образом, ключевой переменной в процессе «обхаживания», широко упоминаемой во всех литературных источниках, является построение и последовательное злоупотребление доверием.

Механизмы виртуального аномального сексуального поведения

Несмотря на то что сценарий поведения виртуальных правонарушителей схож, зарубежные авторы полагают, что в его основе могут лежать различные механизмы. В одних случаях они связаны с наличием аномальных сексуальных побуждений, когда виртуальный потенциал интернета используется для удовлетворения своих перверзных потребностей или даже как средство совладания со своим влечением; в других случаях такое поведение не обусловлено сексуальной девиантностью, а является способом ухода от реальности, снятия эмоционального напряжения и результатом социальной изоляции.

Следует отметить, что в исследованиях, которые сообщают о психической патологии, диагноз парафилии выставляется в 49% виртуальным правонарушителям. Помимо этого, в некоторых работах делается акцент на том, что довольно большая доля виртуальных сексуальных преступников без признаков парафилий имеют аффективные (депрессивные или тревожные) расстройства, синдром зависимости от психоактивных веществ и расстройства личности [27].

Сексуальная девиантность и антисоциальность, безусловно, являются одними из самых важных мотивирующих факторов для совершения сексуальных правонарушений, однако не все мотивированные лица их совершают в реальном мире. Одно из объяснений связи между мотивацией и фактическим правонарушением содержится в теории деятельности. Эта теория, доминирующая в криминологии, утверждает, что преступное поведение требует не только мотивированных преступников, но и подходящих мишеней и отсутствия надзора за несовершеннолетними. Применительно к онлайн-правонарушителям можно констатировать, что в значительной степени нерегулируемая интернет-среда предоставляет условия для мотивированных индивидов совершать преступления сексуального характера, в том числе с использованием детской порнографии [28].

Значимо, что доступ в интернет (в дополнение к антисоциальности и сексуальной девиантности) – немаловажный фактор, объясняющий преступления в Сети. Согласно теории рутинной деятельности, личности, мотивированные к совершению сексуальных преступлений и имеющие доступ в интернет, являются теми, кто с наибольшей вероятностью их совершит на просторах Всемирной паутины. При этом преступники, которые ограничиваются совершением сексуальных посягательств только в киберпространстве, менее асоциальны, они имеют большую эмпатию к жертвам и самоконтроль, чем лица, контактировавшие с детьми в половом отношении в реальном мире. Кроме того, преступники, вовлекающие детей в сексуальные действия в виртуальной среде, могут осознать асоциальность своего поведения и не предпринимать никаких действий в реальном мире даже в том случае, когда появляется такая возможность [29].

Психологическая мотивация сексуальных преступников проистекает не только из сексуальной девиантности, но и из дисфорических настроений и повышенной социальной изоляции за счёт всё более активного вовлечения в интернет-сообщества [30]. Рост вовлечённости человека в виртуальное сексуальное поведение может привести к снижению вовлечённости в реальное межличностное и сексуальное взаимодействие. В этих случаях лица с парафильными расстройствами могут вообще отказаться от реальных сексуальных контактов с партнёром.

Таким образом, интернет предоставляет социально изолированному взрослому человеку безличный социальный выход, а также сексуальное удовлетворение без риска столкнуться лицом к лицу с отторжением. При этом романтические и сексуальные онлайн-отношения с детьми являются менее угрожающими для самих правонарушителей, чем отношения со взрослыми, в плане отказа, с которым можно столкнуться при личном общении, а также в плане лёгкости виртуального контакта и управления им [31]. Отношения в Сети с детьми из группы риска (дети, оставшиеся без попечения родителей или из неблагополучных и асоциальных семей, нуждающихся в социально-экономической и социально-психологической помощи и поддержке) являются ещё более угрожающими, поскольку преступник может действовать в качестве конфиденциального источника поддержки и дружбы.

Вследствие этого предполагается, что существует ряд лиц, которые выражают свой сексуальный интерес к детям исключительно посредством интернета и вряд ли смогут совершать контактные преступления. В некоторых случаях интернет рассматривается как стратегия «самолечения» во избежание контактных сексуальных преступлений. Однако не все согласны с последним утверждением, так как ряд правонарушителей переходит от виртуальных действий к реальным контактам с детьми и подобные стратегии

самоуправления впоследствии имеют обратный эффект, увеличивая риск реального контакта [32].

Виртуальные правонарушения не всегда связаны с наличием парафильных девиаций: существует особая группа лиц, среди которых большой процент преступных действий сексуального характера в интернете в отношении несовершеннолетних приходится на не имеющих парафильных девиаций. В этих случаях выбор жертвы не зависит от сексуального предпочтения, а является результатом построения некой идеальной футуристической фантазийной модели, в которой обыгрываются варианты достижения цели для получения удовлетворения [33]. Одно из проявлений мотивации, которое авторы наблюдали у обследуемых, включало любопытство без фиксированного сексуального интереса: было обнаружено, что многие люди склонны искать всевозможные нетипичные порнографические изображения и дрейфовать с одного сайта на другой, выбирая детей как один из новых типов изображений или действий для сексуального опыта. Как сообщали сами обследуемые, они нуждаются в постоянной стимуляции и поиске острых ощущений, считая своё поведение нарушением табу.

Помимо этого, выделяется особый механизм совершения виртуальных преступлений, который связан с интернет-зависимостью и сексуальной компульсивностью [34]. Компульсивное сексуальное поведение, в основе которого, как полагают, лежит феномен гиперсексуальности, способно вызывать нарушения в профессиональном или социальном функционировании, приводя к увольнению или разводу, и в ряде случаев связано с использованием интернета, включая виртуальный секс и регулярный просмотр порнографических материалов. При сочетании интернет-зависимости и сексуальной компульсивности наблюдается взаимное потенцирование интернет-среды и виртуальной деятельности, приносящей удовольствие. Такие правонарушители проводят в интернете в среднем 11 часов в неделю, занимаясь интернет-сексом, и некоторые из них безуспешно пытаются прекратить использование компьютера в попытке контролировать своё поведение.

Характерной чертой для всех виртуальных сексуальных правонарушений, независимо от их механизма, является возможность изменять собственную виртуальную идентичность в письменной, визуальной и даже звуковой форме: мужчины могут выдавать себя за детей, подростков или женщин, конструируя внешность и голосовые характеристики. Для этого используется сторонний материал для формирования собственной идентичности с помощью обработки изображений: человек может увеличить, уменьшить или адаптировать гендерные маркеры к собственным фантазиям.

Особый случай виртуальной идентичности наблюдается у лиц с педофильным расстройством, когда собственная идентичность временно частично за-

мещается детской, при этом в фантазиях и поступках взрослый отождествляет себя с самим собой в детском возрасте и одновременно с фигурой родителя. В таких случаях для поведения виртуального правонарушителя характерна некоторая амбивалентность: проявления ласки и нежности, с одной стороны, и манипуляций и нападок – с другой, что было обозначено термином «самообмен» [35]. Это позволяет не только легко и анонимно контактировать с потенциальными жертвами, но и общаться с другими пользователями, имеющими девиантные предпочтения, благодаря чему близость (т.е. раскрытие личных эмоций, предпочтений и действий, которые обычно скрываются от широкой общественности) и доверие развиваются гораздо быстрее, чем при личных контактах.

Механизмы, которые лежат в основе такого рода нарушений, отчасти могут объясняться результатами исследования Р. Tasiowski и соавт. [36]. В их работе отмечено: когда пользователь выбирает своего персонажа в виртуальной реальности, его поведение изменяется соответственно этому персонажу, так что не только человек управляет аватаром, но и аватар влияет на поведение обладателя, наделяя его своими характеристиками. Оказалось, что восприятие мира взрослым человеком, управляющим в виртуальной реальности аватаром-ребёнком, становится детским, например размеры окружающих предметов кажутся ему больше, чем на самом деле. Также было выявлено, что обладатели аватаров-детей склонны воспринимать детские вещи как свои: в ходе выполнения экспериментальных заданий они отдавали предпочтение детской комнате, а не обычной гостиной. Эти данные подтверждают, что человек, находясь в виртуальной среде, начинает иначе воспринимать окружающее и более глубоко вживаться в роль своего интернет-персонажа, что закономерно отражается на регуляции его поведения.

Олицетворение себя с персонажем в виртуальной жизни и формирование субъективных ощущений удовлетворённости существования в ней неразрывно связаны с эмоциональными реакциями, возникающими в процессе реализации желаний в виртуальном мире. Например, G. Riva и соавт. [37] сравнили эмоциональные отклики 61 здорового участника исследования в ответ на ситуации нейтральной, тревожной и расслабляющей обстановки в виртуальной среде. Результаты показали, что разные ситуации вызывали разные эмоции в ожидаемом направлении: тревожное состояние обуславливало отрицательные эмоции, а расслабляющее – положительные по сравнению с нейтральным состоянием. Кроме того, уровень вовлечённости в виртуальную реальность был значительно выше в тревожном и расслабляющем состоянии. G. Riva и соавт. утверждают, что именно уровень мироощущения в виртуальном пространстве является значимым предиктором эмоционального состояния. Авторы пришли к выводу, что аффективные реакции

в виртуальной среде в целом могут быть ниже в случае слабого чувства погружения в мир виртуализации [37]. Однако авторы предполагают, что именно эмоции являются необходимой предпосылкой для формирования переживаний ситуаций в виртуальном пространстве. Несмотря на проводимые исследования, причинно-следственная связь между вовлечённостью в виртуальный мир и возникающими эмоциями всё ещё остаётся неясной.

Особенности регуляции виртуального аномального сексуального поведения

Особенности осознанно-волевой регуляции поведения виртуальных правонарушителей в момент совершения ими противоправного деяния практически не подлежали изучению. Только в единичных исследованиях было отмечено наличие у них такого рода когнитивных искажений, которые указывают на нарушение понимания общественной опасности своих действий.

Исследователи полагают, что когнитивные факторы играют этиологическую и/или поддерживающую роль в сексуальных посягательствах. Индивидуумы с девиантным поведением посредством когнитивных искажений избегают негативных эмоций, связанных с реализуемыми ими действиями, используя иррациональные убеждения для отрицания, оправдания, минимизации или рационализации деликтов сексуального характера. Точка зрения, что когнитивные искажения определяют поведение, связанное с сексуальным насилием, отражена во многих литературных источниках [38, 39]. Когнитивные искажения у педофилов в виде субъективной убеждённости и восприятия детей не только как сексуально привлекательных, но и как готовых и мотивированных к сексуальному поведению со взрослыми были зафиксированы в исследованиях R.K. Hanson и соавт. [40]. С.М. Langton и соавт. при обследовании лиц, осуждённых за педофилию, констатировали наличие у них паттернов отклонений в суждениях, в которых сексуальное насилие рассматривалось как выгодное для жертв, а ответственность за возникновение насилия возлагалась на самих жертв. Было выдвинуто предположение, что именно когнитивные искажения позволяют человеку защититься от негативных эмоциональных состояний, в том числе от тех, которые могли бы возникнуть после совершения сексуальных деликтов [41].

Механизмы когнитивных искажений, предложенные в 1977 г. А. Bandura, были адаптированы W.D. Murphy [42] в триаду процессов применительно к лицам, совершившим сексуальные преступления. Первый процесс – оправдание предосудительного поведения. Он включает несколько механизмов: моральное оправдание в форме убеждения в пользе сексуального насилия для самого ребёнка; психологическое оправдание, проявляющееся в обвинении за содеянное обстоятельств, не зависящих от самого

человека, таких, например, как врождённая сексуальная ориентация; паллиативное сравнение, когда собственное преступление рассматривается как незначительное по сравнению с более отвратительными деяниями других людей; эвфемистическая маркировка, характеризующаяся использованием смягчающих описательных оборотов, заменяющих выражения с негативными оттенками на более приятные.

Второй когнитивный процесс – это ошибочное представление о последствиях. Он включает минимизацию («ребёнок не страдал»), игнорирование («мне всё равно») и неправильное распределение последствий посягательства («виноваты безответственные лица, ухаживающие за ребёнком»).

Третий элемент триады процессов – процесс девальвации и распределение вины на жертву. Этот заключительный процесс включает дегуманизацию жертвы и перекладывание вины на жертву («большинство детей хотят быть изнасилованными»).

Степень, в которой отдельные лица способны скрывать искажённое мышление, тесно коррелирует с внутренним потенциалом принятия индивидуумом решения о совершении сексуального преступления. С этим связаны трудности эмпирического исследования когнитивных искажений среди сексуальных преступников, так как большинство мер, предназначенных для их оценки, имеют высокую очевидность для испытуемых, что облегчает возможность предоставлять социально желательные ответы. До сих пор основным источником знаний об искажённых убеждениях правонарушителей и их отношении к своим деликтам были клинические наблюдения в ходе терапии или интервью. Было отмечено, что по сравнению с контактными преступниками у виртуальных правонарушителей ниже вероятность того, что они будут иметь ярко выраженные когнитивные искажения и искажения эмпатии к жертве [43].

T. Ward и соавт. [44] установили, что виртуальные преступники стремятся к особой среде, которая поддерживает их собственный образ жизни и систему убеждений. В связи с этим разумно предположить, что лица с педофильными интересами будут искать поддержки своих девиантных сексуальных интересов у единомышленников. Поскольку около 4,5 млрд человек во всём мире имеют доступ к сети Интернет, проще всего найти сторонников именно в виртуальной среде, где образуются киберсообщества по интересам. Онлайн-группы и форумы для лиц, совершивших сексуальные преступления в отношении детей, формируются с целью установления контакта с другими лицами, имеющими схожую девиантную идеологию, для общения, обмена опытом и укрепления веры в то, что сексуальные отношения между взрослыми и детьми приемлемы. Внутри девиантных интернет-сообществ происходит обсуждение стратегий растления детей, обмен детской порнографией, а также распространяется информация, которая обычным пользователям недоступна.

Ещё одна особенность лиц, совершивших виртуальные сексуальные правонарушения, – тенденция изображать себя в благоприятном свете. Виртуальные преступники демонстрируют способности в управлении своими впечатлениями, измеряемые сбалансированным списком желательных ответов, и имеют низкий балл по антисоциальным позициям и убеждениям. Они также способны выгодно представлять себя в обществе и вести себя в соответствии с культурными нормами, поскольку они эмпирически связаны с сознательностью [45].

Проблема деструкции саморегуляции у преступников относится к психологически значимым факторам риска совершения сексуального деликта. Следует отметить, что низкая способность к торможению и контролю поведенческих реакций не имеет прямой корреляционной связи с педофильными предпочтениями [46].

S.L. Clevenger и соавт. указывают, что онлайн-правонарушители имеют более высокий уровень самоконтроля, в связи с чем виртуальные преступники менее склонны совершать контактные преступления [47].

Сравнительные исследования показывают, что правонарушители, испытывающие трудности контроля над своими сексуальными желаниями или сексуальными влечениями, чаще совершают рецидивы, чем те, кто не испытывает таких трудностей. Чем сильнее мотивация у преступника контролировать своё сексуальное поведение, тем ниже вероятность рецидивов деликта. Успешному саморегулированию могут препятствовать искажённая оценка потенциального вреда от содеянного, а также аберрация осознания риска рецидива. У лиц, совершивших сексуальные посягательства на детей, в формировании общих механизмов саморегулирования доминируют когнитивная импульсивность и/или плохие когнитивные навыки решения проблем, а также низкий уровень сознательности. При этом следует отметить, что контактные преступники имеют более выраженные нарушения самоконтроля поведения по сравнению с лицами, совершившими виртуальные преступления в отношении детей. К особенностям когнитивной деятельности преступников, совершивших сексуальные правонарушения против детей, также относится реакция на стресс. Она характеризуется проблемным эмоционально-ориентированным стилем преодоления трудностей, в то время как у лиц, не имеющих девиантного поведения, урегулирование стрессовой ситуации происходит с использованием стратегии, ориентированной на решение конкретной задачи [48].

Таким образом, можно предположить, что когнитивные искажения на фоне специфики формирования субъективных ощущений у виртуальных правонарушителей могут служить устойчивой базой для формирования позитивных эмоций от совершаемых деликтов и оправдательной концепцией девиантного поведения, запускающих механизмы инициирования преступлений.

Заключение

Неуклонный рост преступлений с использованием интернет-ресурсов – это мировая тенденция информационного века. Цифровые технологии становятся шлюзом для сексуального насилия и в первую очередь для преступлений против половой неприкосновенности детей и подростков.

С каждым годом возраст пользователей информационными технологиями неуклонно снижается, а общение из реального мира перешло в киберпространство. На фоне этого, по статистике, около 19% подростков и детей, регулярно пользующихся интернетом, становятся объектами сексуальных домогательств.

Анонимность виртуальных контактов – одна из основ для искажения самосознания человека, нарушения механизмов саморегуляции поведенческих реакций. В результате виртуальный мир становится площадкой для девиантного поведения, в том числе криминального, связанного с сексуальными насилием в отношении детей.

Реализация девиантного поведения против детей и подростков предусматривает не только наличие мотивации у преступника, но и доступность мишеней, что, безусловно, связано с особым психологическим состоянием ребёнка и отсутствием надзора за несовершеннолетними.

Характеризуя преступников, совершающих сексуальные посягательства только в киберпространстве, следует отметить, что они менее асоциальны, могут осознать неправомочность своего поведения, имеют большую эмпатию к жертвам и самоконтроль, чем лица, совершившие сексуальное насилие в отношении детей в реальном мире. Тем не менее количество виртуальных сексуальных правонаруше-

ний в последние годы только растёт, что связано с определёнными механизмами, лежащими в основе такого поведения: как с аномальными сексуальными побуждениями и перверзными потребностями, так и со способом ухода от реальности для снятия эмоционального напряжения и дисфорических настроений. В последнем случае выбор жертвы не зависит от сексуальных предпочтений, а является результатом вариативности фантазийных моделей с исключительной целью получения удовлетворения и поиска новых ощущений.

Более того, киберпространство представляет собой единственное место, где можно изменять собственную виртуальную идентичность в любой форме, а поведение человека преобразуется соответственно персонажу, выбранному в качестве виртуальной идентичности, оно тесно связано с эмоциональной сферой преступника и когнитивными искажениями, которые позволяют ослабить негативные эмоции, возникающие в процессе совершения деликта.

Однако связи между нарушениями идентичности, возникающими в ходе виртуального общения, аффективными расстройствами и когнитивными искажениями у виртуальных сексуальных преступников всё ещё недостаточно изучены, в связи с чем представляются научно обоснованными дальнейшие исследования с целью конкретизации социальных и личностных особенностей лиц, совершивших сексуальные деликты с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, выявления у них психических и психосексуальных нарушений, уточнения механизмов девиантного поведения и способов его регулирования, а также разработки валидных методов оценки девиаций предпочтений сексуального характера для решения судебно-психиатрических задач.

Сведения об авторах

Корчагин Виталий Викторович – аспирант ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индексы: РИНЦ AuthorID: 926125; ORCID: 0000-0002-1765-9405

E-mail: cor4agin.vitalik@yandex.ru

Каменсков Максим Юрьевич – доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории судебной сексологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индексы: РИНЦ AuthorID: 499091; ResearcherID: R-1771-2018; Scopus AuthorID: 55806669600; ORCID: 0000-0002-6327-9307

E-mail: m-kamenskov@mail.ru

Информация о конфликте интересов и источнике финансирования

Авторы заявили об отсутствии конфликта интересов. Научная работа инициативная, не финансируемая.

Литература

- Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999> (дата обращения: 25.06.2021).
- Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media // *Eur. J. Soc. Psychol.* 2015. Vol. 45. P. 277–278. DOI: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2097>
- Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K. With members of the EU kids online network. EU kids online. London. Final report. September 2011. 54 p.
- Smahel D., Machackova H., Mascheroni G. et al. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online. 2020. DOI: <https://doi.org/10.21953/lse.47fdeaj010fo>
- Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // *Психологический журнал.* 2005. № 6. С. 16–24.
- Lowry P.B., Zhang J., Wang C., Siponen M. Why do adults engage in cyberbullying on social media? An integration of online disinhibition and deindividuation effects with the social structure and social learning model // *Information Systems Research.* 2016. Vol. 27. P. 962–986. DOI: <https://doi.org/10.1287/isre.2016.0671>
- Marzouki Y. La conscience collective virtuelle: un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne // *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications / G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau (eds). Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016. P. 413–415.*
- Guegan J. Effets de contexte et modulation des processus sociocognitifs via Internet. Psychologie. Thèse de doctorat en psychologie sociale. Université Paul Valéry – Montpellier III, 2012. 232 p.
- Joinson A.N. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet // *Psychology and the Internet / J. Gackenbach (ed.)*. Boston, MA: Academic Press, 2007. P. 43–60.
- Moor L., Anderson J. A systematic literature review of the relationship between dark personality traits and antisocial online behaviours // *Personality and Individual Differences.* 2019. Vol. 144. P. 40–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.027>
- Udris R. Psychological and social factors as predictors of online and offline deviant behavior among Japanese adolescents // *Deviant Behavior.* 2017. Vol. 38. P. 792–809. DOI: <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1197689>
- Cheung C.M.K., Wong R.Y.M., Chan T.K.H. Online disinhibition: conceptualization, measurement, and relation to aggressive behavior // *Thirty Seventh International Conference on Information Systems.* Dublin, 2016. URL: <https://aisel.aisnet.org/icis2016/Sustainability/Presentations/2/> (дата обращения: 25.06.2021).
- Piper S. Workplace toxic online disinhibition. Presented to the interdisciplinary studies program: University of Oregon applied information management, 2015. 48 p.
- Vilanova F., Beria F.M., Costa A.B., Koller S.H. Deindividuation: From Le Bon to the social identity model of deindividuation effects // *Cogent Psychology.* 2017. Vol. 4, No 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311908.2017.1308104>
- Suler J. The online disinhibition effect // *Cyberpsychology and Behavior.* 2004. Vol. 7. P. 321–326. DOI: <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
- Finkelhor D., Ormrod R., Turner H., Hamby S.L. The victimization of children and youth: A comprehensive, national survey // *Child Maltreatment.* 2005. Vol. 10. P. 5–25.
- Mitchel K.J., Finkelhor D., Wolak J. Risk factors for and impact of online sexual solicitation of youth // *JAMA.* 2001. Vol. 285. P. 3011–3014.
- Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J. Trends in arrests for child pornography possession: the third national juvenile online victimization study (NJOV-3) // *Durham. Crimes Against Children Research Center.* 2012. P. 1–6.
- German Federal Statistical Office. Rechtspflege Strafverfolgung 2002 (2004). URL: https://www.destatis.de/GPStatistik/servlets/MCRFileNodeServlet/DEHeft_derivate_00006761/2100300027004.pdf (дата обращения: 05.07.2021).
- Krueger R.B., Kaplan M.S., First M.B. Sexual and other axis I diagnoses of 60 males arrested for crimes against children involving the Internet // *CNS Spectrums.* 2009. Vol. 14, No 11. P. 623–631. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1092852900023865>
- Motivans M., Kyckelhahn T. Federal Prosecution of Child Sex Exploitation Offenders, 2006. Washington, DC: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics, 2007. URL: <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/fpcseo06.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
- Blanchard R., Kolla N.J., Cantor J.M. et al. // IQ, handedness, and pedophilia in adult male patients stratified by referral source. *Sex Abuse.* 2007. Vol. 19. P. 285–309.
- Krueger R.B., Kaplan M.S., First M.B. Sexual and other axis I diagnoses of 60 males arrested for crimes against children involving the Internet // *CNS Spectrums.* 2009. Vol. 14, No 11. P. 623–631.
- Berson I.R. Grooming cybervictims: The psychosocial effects of online exploitation for youth // *J. Sch. Violence.* 2003. Vol. 2. P. 5–18.
- McAlinden A.M. “Setting ‘em up”: Personal, familial and institutional grooming in the sexual abuse of children // *Social and Legal Studies.* 2006. Vol. 15. P. 339–362. DOI: <https://doi.org/10.1177/0964663906066613>
- Gillespie A. Child protection on the internet: Challenges for criminal law // *Child and Family Law Quarterly.* 2002. Vol. 14. P. 411–426.
- Fromberger P., Jordan K., Müller J.L. Pädophilie: Ätiologie, Diagnostik und Therapie // *Nervenarzt.* 2013. P. 1123–1133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00115-013-3805-9>
- Wolak J. Child pornography possessors: Trends in offender and case characteristics // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment.* 2011. Vol. 23, No 1. P. 22–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063210372143>
- Long M.L., Alison L.A., McManus M.A. Child pornography and likelihood of contact abuse: A comparison between contact child sexual offenders and noncontact offenders // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment.* 2013. Vol. 25. P. 370–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063212464398>
- Briggs P., Simon W.T., Simonsen S. An Exploratory Study of Internet-Initiated Sexual Offenses and the Chat Room Sex Offender: Has the Internet Enabled a New Typology of Sex Offender? // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment.* 2010. Vol. 23, No 1. P. 72–91. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063210384275>
- Laulik S., Allam J., Sheridan L. An investigation into maladaptive personality functioning in Internet sex offenders // *Psychology, Crime and Law.* 2007. Vol. 13. P. 523–535.
- Seto M.C., Hanson R.K., Babchishin K.M. Contact sexual offending by men with online sexual offenses // *Sexual Abuse: A Journal of Research & Treatment.* 2011. Vol. 23. P. 124–145. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063210369013>
- Kerry S., Dennis H. Sexual fantasy in paedophile offenders: Can any model explain satisfactorily new findings from a study of Internet and contact sexual offenders? // *Legal and Criminological Psychology.* 2008. Vol. 13. P. 137–158.
- Delmonico D.L., Griffin E., Carnes P.J. Treating online compulsive sexual behavior: when cybersex is the drug of choice. // In: A. Cooper (ed.). *Sex and the internet.* N.Y.: Brunner-Routledge, 2002. P. 147–167.
- Pfäfflin F. Sexual straffaten // In: K. Foerster, U. Venzlaff (Hrsg.). *Psychiatrische Begutachtung.* Urban & Fischer. München, 2004. P. 275–302.
- Pawel T., Marieke L., Weijts H., Henrik E. Perception of Our Own Body Influences Self-Concept and Self-Incoherence Impairs Episodic Memory // *iScience.* 2020. Vol. 23, No 9. P. 101429. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.isci.2020.101429>
- Riva G., Mantovani F., Capideville C.S. et al. Affective interactions using virtual reality: the link between presence and emotions // *Cyberpsychology & behavior.* 2007. Vol. 10, No 1. P. 45–56. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2006.9993PMID:17305448>
- Bandura A. *Social learning theory.* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1977. 247 p.

Литература

39. Durkin K.F., Bryant C.D. Propagandizing pederasty: A thematic analysis of the on-line exculpatory accounts of unrepentant pedophiles // *Deviant Behavior: An Interdisciplinary Journal*. 1999. Vol. 20. P. 103–127.
40. Hanson R.K., Gizzarelli R., Scott H. The attitudes of incest offenders: Sexual entitlement and acceptance of sex with children // *Criminal Justice and Behaviour*. 1994. Vol. 21. P. 187–202.
41. Langton C.M., Marshall W.L. The role of cognitive distortions in relapse prevention programs // In: D.R. Laws, S.M. Hudson, T. Ward (eds). *Remaking relapse prevention with sex offenders*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. P. 167–186.
42. Murphy W.D. Assessment and modification of cognitive distortions in sex offenders // In: W.L. Marshall, D.R. Laws, H.E. Barbaree (eds). *Handbook of sexual assault: Issues, theories, and treatment of the offender*. N.Y.: Plenum Press, 1990. 405 p.
43. Long M.L., Alison L.A., McManus M.A. Child pornography and likelihood of contact abuse: A comparison between contact child sexual offenders and noncontact offenders // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2012. Vol. 25, No 4. P. 370–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063212464398>
44. Ward T., Hudson S.M. A self-regulation model of relapse prevention // In: D.R. Laws, S.M. Hudson, T. Ward (eds). *Retnakbig relapse prevention with sex offenders*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. P. 79–101.
45. Borkenau P., Zaltauskas K. Effects of self-enhancement on agreement on personality profiles // *Eur. J. Pers.* 2009. Vol. 23. P. 107–123.
46. Massau C., Tenbergen G., Kargel C. et al. Executive Functioning in Pedophilia and Child Sexual Offending // *J. Int. Neuropsychol. Soc.* 2017. Vol. 23, No 6. P. 460–470. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1355617717000315>
47. Clevenger S.L., Navarro J.N., Jasinski J.L. A matter of low self-control? Exploring differences between child pornography possessors and child pornography producers/distributors using self-control theory // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2016. Vol. 28, No 6. P. 555–571. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063214557173>
48. Elliott I.A., Beech A.R., Mandeville-Norden R., Hayes E. Psychological profiles of Internet sexual offenders: Comparisons with contact sexual offenders // *Sexual Abuse: A Journal of Research & Treatment*. 2009. Vol. 21. P. 76–92.

References

1. Internet v Rossii: dinamika proniknoveniya. Zima 2017–2018 gg. URL: <https://fom.ru/SML-i-internet/13999> (accessed on: 25.06.2021). (In Russ.)
2. Kende A, Ujhelyi A, Joinson A, Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media. *Eur J Soc Psychol*. 2015;45:277–8. DOI: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2097>
3. Livingstone S, Haddon L, Görzing A, Ólafsson K. With members of the EU kids online network. *EU kids online*. London. Final report. September 2011. 54 p.
4. Smahel D, Machackova H, Mascheroni G, et al. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. *EU Kids Online*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.21953/lse.47fdeqj01fo>
5. Tkhostov ASH, Surnov KG. Vliyaniye sovremennykh tekhnologiy na razvitiye lichnosti i formirovaniye patologicheskikh form adaptatsii: obratnaya storona sotsializatsii. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*. 2005;(6):16–24. (In Russ.)
6. Lowry PB, Zhang J, Wang C, Siponen M. Why do adults engage in cyberbullying on social media? An integration of online disinhibition and deindividuation effects with the social structure and social learning model. *Information Systems Research*. 2016;27:962–86. DOI: <https://doi.org/10.1287/isre.2016.0671>
7. Marzouki Y. La conscience collective virtuelle: un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne. In: G Lo Monaco, S Delouvé, P Rateau (eds). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur; 2016. p. 413–5.
8. Guegan J. Effets de contexte et modulation des processus sociocognitifs via Internet. *Psychologie*. Thèse de doctorat en psychologie sociale. Université Paul Valéry – Montpellier III, 2012. 232 p.
9. Joinson AN. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet. In: J Gackenbach (ed.). *Psychology and the Internet*. Boston, MA: Academic Press; 2007. p. 43–60.
10. Moor L, Anderson J. A systematic literature review of the relationship between dark personality traits and antisocial online behaviors. *Personality and Individual Differences*, 2019;144:40–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.027>
11. Udris R. Psychological and social factors as predictors of online and offline deviant behavior among Japanese adolescents. *Deviant Behavior*. 2017;38:792–809. DOI: <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1197689>
12. Cheung CMK, Wong RYM, Chan TKH. Online disinhibition: conceptualization, measurement, and relation to aggressive behavior. *Thirty Seventh International Conference on Information Systems*. Dublin. 2016. URL: <https://aisel.aisnet.org/icis2016/Sustainability/Presentations/2/> (accessed on: 25.06.2021).
13. Piper S. Workplace toxic online disinhibition. Presented to the interdisciplinary studies program: University of Oregon applied information management. 2015. 48 p.
14. Vilanova F, Beria FM, Costa AB, Koller SH. Deindividuation: From Le Bon to the social identity model of deindividuation effects. *Cogent Psychology*. 2017;4(1):1–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311908.2017.1308104>
15. Suler J. The online disinhibition effect. *Cyberpsychology and Behavior*. 2004;7:321–6. DOI: <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
16. Finkelhor D, Ormrod R, Turner H, Hamby SL. The victimization of children and youth: A comprehensive, national survey. *Child Maltreatment*. 2005;10:5–25.
17. Mitchel KJ, Finkelhor D, Wolak J. Risk factors for and impact of online sexual solicitation of youth. *JAMA*. 2001;285:3011–4.
18. Wolak J, Finkelhor D, Mitchell KJ. Trends in arrests for child pornography possession: the third national juvenile online victimization study (NJOV-3). Durham. Crimes Against Children Research Center. 2012. P. 1–6.
19. German Federal Statistical Office. *Rechtspflege Strafverfolgung 2002 (2004)*. URL: https://www.destatis.de/GPStatistik/servlets/MCRFileNodeServlet/DEHeft_derivate_00006761/2100300027004.pdf (accessed on: 05.07.2021).
20. Krueger RB, Kaplan MS, First MB. Sexual and other axis I diagnoses of 60 males arrested for crimes against children involving the Internet. *CNS Spectrum*. 2009;14(11):623–31. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1092852900023865>
21. Motivans M, Kyckelhahn T. *Federal Prosecution of Child Sex Exploitation Offenders, 2006*. Washington, DC: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics; 2007. URL: <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/fpcseo06.pdf> (accessed on: 10.07.2021).
22. Blanchard R, Kolla NJ, Cantor JM, et al. IQ, handedness, and pedophilia in adult male patients stratified by referral source. *Sex Abuse*. 2007;19:285–309.
23. Krueger RB, Kaplan MS, First MB. Sexual and other axis I diagnoses of 60 males arrested for crimes against children involving the Internet. *CNS Spectrums*. 2009;14(11):623–31.
24. Berson IR. Grooming cybervictims: The psychosocial effects of online exploitation for youth. *J Sch Violence*. 2003;2:5–18.
25. McAlinden AM. “Setting ‘em up”: Personal, familial and institutional grooming in the sexual abuse of children. *Social and Legal Studies*. 2006;15:339–62. DOI: <https://doi.org/10.1177/0964663906066613>
26. Gillespie A. Child protection on the internet: Challenges for criminal law. *Child and Family Law Quarterly*. 2002;14:411–26.

References

27. Fromberger P, Jordan K, Müller JL. Pädophilie: Ätiologie, Diagnostik und Therapie. *Nervenarzt*. 2013;1123–33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00115-013-3805-9>
28. Wolak J. Child pornography possessors: Trends in offender and case characteristics. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2011;23(1):22–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063210372143>
29. Long ML, Alison LA, McManus MA. Child pornography and likelihood of contact abuse: A comparison between contact child sexual offenders and noncontact offenders. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2013;25:370–95. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063212464398>
30. Briggs P, Simon WT, Simonsen S. An Exploratory Study of Internet-Initiated Sexual Offenses and the Chat Room Sex Offender: Has the Internet Enabled a New Typology of Sex Offender? *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2010;23(1):72–91. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063210384275>
31. Laulik S, Allam J, Sheridan L. An investigation into maladaptive personality functioning in Internet sex offenders. *Psychology, Crime and Law*. 2007;13:523–35.
32. Seto MC, Hanson RK, Babchishin KM. Contact sexual offending by men with online sexual offenses. *Sexual Abuse: A Journal of Research & Treatment*. 2011;23:124–45. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063210369013>
33. Kerry S, Dennis H. Sexual fantasy in paedophile offenders: Can any model explain satisfactorily new findings from a study of Internet and contact sexual offenders? *Legal and Criminological Psychology*. 2008;13:137–58.
34. Delmonico DL, Griffin E, Carnes PJ. Treating online compulsive sexual behaviour: when cybersex is the drug of choice. In: A Cooper (ed.). *Sex and the internet*. N.Y.: Brunner-Routledge; 2002. p. 147–67.
35. Pfäfflin F. Sexual strafataten. In: K Foerster, U Venzlaff (Hrsg.). *Psychiatrische Begutachtung*. Urban & Fischer. München; 2004. p. 275–302.
36. Pawel T, Marieke L, Weijs H, Henrik E. Perception of Our Own Body Influences Self-Concept and Self-Incoherence Impairs Episodic Memory. *iScience*. 2020;23(9):101429. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.isci.2020.101429>
37. Riva G, Mantovani F, Capideville CS, et al. Affective interactions using virtual reality: the link between presence and emotions. *Cyberpsychology & behavior*. 2007;10(1):45–56. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2006.9993PMID:17305448>
38. Bandura A. *Social learning theory*. Englewood Cliffs; N.J.: Prentice Hall; 1977. 247 p.
39. Durkin KF, Bryant CD. Propagandizing pederasty: A thematic analysis of the on-line exculpatory accounts of unrepentant pedophiles. *Deviant Behaviour: An Interdisciplinary Journal*. 1999;20:103–27.
40. Hanson RK, Gizzarelli R, Scott H. The attitudes of incest offenders: Sexual entitlement and acceptance of sex with children. *Criminal Justice and Behaviour*. 1994;21:187–202.
41. Langton CM, Marshall WL. The role of cognitive distortions in relapse prevention programs. In: DR Laws, SM Hudson, T Ward (eds). *Remaking relapse prevention with sex offenders*. Thousand Oaks. CA: Sage; 2000. p. 167–86.
42. Murphy WD. Assessment and modification of cognitive distortions in sex offenders. In: WL Marshall, DR Laws, HE Barbaree (eds). *Handbook of sexual assault: Issues, theories, and treatment of the offender*. N.Y.: Plenum Press; 1990. 405 p.
43. Long ML, Alison LA, McManus MA. Child pornography and likelihood of contact abuse: A comparison between contact child sexual offenders and noncontact offenders. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2012;25(4):370–95. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063212464398>
44. Ward T, Hudson SM. A self-regulation model of relapse prevention. In: DR Laws, SM Hudson, T Ward (eds). *Retnakkbig relapse prevention with sex offenders*. Thousand Oaks. CA: Sage; 2000. p. 79–101.
45. Borkenau P, Zaltauskas K. Effects of self-enhancement on agreement on personality profiles. *Eur J Pers*. 2009;23:107–23.
46. Massau C, Tenbergen G, Kargel C, et al. Executive Functioning in Pedophilia and Child Sexual Offending. *J Int Neuropsychol Soc*. 2017;23(6):460–70. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1355617717000315>
47. Clevenger SL, Navarro JN, Jasinski JL. A matter of low self-control? Exploring differences between child pornography possessors and child pornography producers/distributors using self-control theory. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2016;28(6):555–71. DOI: <https://doi.org/10.1177/1079063214557173>
48. Elliott IA, Beech AR, Mandeville-Norden R, Hayes E. Psychological profiles of Internet sexual offenders: Comparisons with contact sexual offenders. *Sexual Abuse: A Journal of Research & Treatment*. 2009;21:76–92.